

ГЛАВА III

Научная геральдика в 1918–1991 гг.

§ 1. Научная геральдика конца 1910-х – 1950-х гг.: между советским догматизмом и эмигрантским традиционализмом

После переворота октября 1917 г. научная геральдика, как и вся русская историческая наука, разделилась на две ветви: советскую и эмигрантскую. Каждая, с одной стороны, являлась продолжением прежней линии развития геральдического знания, но с другой – обладала специфическими характеристиками, позволяющими их вполне четко различать.

В Советской России, а затем в СССР, полноценное изучение геральдики было чрезвычайно затруднено. Этому препятствовали, в первую очередь, политические и идеологические обстоятельства. Гербы устойчиво ассоциировались с уничтоженным монархическим строем, с определенной системой государственной власти, с упраздненной социальной иерархией. Негативное отношение к гербам определяло оценку познавательных возможностей гербоведения как научного знания. Наряду с некоторыми другими дисциплинами (генеалогией, фалеристикой) оно было отвергнуто официальной советской наукой как не имеющее никакой ценности для марксистского понимания прошлого, для исторического материализма.

На протяжении 1920-х – 1930-х гг. ситуация постепенно ухудшалась. Геральдические исследования прекращались, количество специалистов уменьшалось: одни (Ю.В. Арсеньев) скончались, другие (С.Н. Тройницкий) отошли от изучения «неперспективной» и даже опасной темы, третьи (П.П. фон Винклер, барон Н.А. Типольт) эмигрировали. В 1921 г. неудачную попытку выезда за границу, фактически – в эмиграцию, предпринял В.К. Лукомский⁸²⁶. С 1920-х гг. он оказался единственным в СССР специалистом в области геральдики⁸²⁷.

⁸²⁶ Каменцева Е.И., Наумов О.Н. Указ. соч. – С. 21.

⁸²⁷ Историк чудом уцелел в период репрессий, хотя в марте 1935 г., в ходе операции органов госбезопасности под оскорбительным кодовым обозначением «Бывшие люди», все-таки был подвергнут кратковременному аресту.

Практически отсутствовала возможность вести исследования. В 1920-е гг., когда тоталитарная система не сформировалась окончательно и влияние советской идеологии на науку не было еще всеобъемлющим, геральдические публикации иногда попадали в печать, но в 1930-е гг. гербоведение фактически превратилось в «дисциплину умолчания». Даже в изданиях, посвященных специальным историческим дисциплинам, его познавательные возможности фактически отрицались. Показателен в этом отношении сборник «Вспомогательные исторические дисциплины», изданный Академией наук СССР в 1937 г.⁸²⁸, в котором геральдика была даже не упомянута, хотя статью о ней заказывали В.К. Лукомскому. Однако написанный, принятый к печати и даже сверстаный текст в последний момент отвергли⁸²⁹.

Не менее наглядно свидетельствует о происходивших процессах история единственного в стране учреждения, занимавшегося геральдикой – Гербового музея, созданного В.К. Лукомским в апреле 1918 г. на основе музейных и архивных собраний упраздненного Департамента Герольдии. Задуманный как серьезный научный проект, он не смог выполнить все поставленные задачи, поскольку постоянно находился на грани закрытия. Уже в 1921 г. началось сокращение штатов. В феврале 1922 г. В.К. Лукомский писал искусствоведу В.Я. Адарюкову: «У нас сейчас мания сокращения штатов, в музее – 4, к ноябрю сократили до 3-х... А теперь уволили всех, за исключением меня»⁸³⁰. Оставшись в одиночестве, В.К. Лукомский продолжал обширную исследовательскую работу. Ущемление музея продолжалось, часть его коллекций была изъята и передана в другие хранилища. В 1931 г. последовало преобразование в Кабинет вспомогательных исторических дисциплин, который после нескольких реорганизаций в 1940 г. был окончательно ликвидирован.

Тем не менее, в 1920-е – 1930-е гг. предпринимались настоятельные попытки для сохранения геральдики как сферы научного знания. Они локализовались в нескольких направлениях.

⁸²⁸ Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1937. Сборник вызвал резкую критику в качестве издания, не касающегося «актуальных» исторических проблем (Пясковский А. Ненужные и вредные книги // Правда. – 1938. – 31 июля).

⁸²⁹ Лукомский В.К. Записка об архиве... – С. 156.

⁸³⁰ Цит. по: Каменцева Е.И., Наумов О.Н. Указ. соч. – С. 19.

В начале 1920-х гг. появились статьи, авторы которых пытались популярно разъяснить значение гербов, указывали на их «внеклассовый характер»⁸³¹. Предлагалось изменить смысл герботворчества, ввести новые «гражданские» гербы, отражающие не социальную иерархию, а символически показывающие «родовые признаки», «стихию рода» и индивидуальные начала в нем⁸³². Подобные предложения никакого отклика и практического продолжения не имели. Институт герба слишком тесно и однозначно ассоциировался в общественном сознании с дворянством.

Гарантии сохранения геральдики виделись в другом, в его практическом значении для музееведения и архивоведения, для изучения различных областей истории искусства и культуры. В 1920-е гг. особенно востребованной оказалась источниковедческая концепция, хотя и в методически урезанном виде. Историография советского периода абсолютизировала материальную сторону гербов, т. е. их связь с предметами, с носителями, на которых они изображены. Этот акцент мыслился как оправдание и основание для продолжения геральдических изысканий. Гербоведческие работы маскировались музейной проблематикой, касались не гербов как таковых, а их носителей, особенно часто – печатей и экслибрисов.

Наибольшее распространение получили исследования о русских книжных знаках⁸³³, на которых гербы изображались довольно часто. Основу экслибристического направления заложил труд У.Г. Иваска⁸³⁴, последний том которого вышел в свет в 1918 г. В нем содержалось много воспроизведений гербовых экслибрисов русского дворянства. Геральдическая проблематика занимала большое место в «Трудах Ленинградского общества экслибрисистов»⁸³⁵, где регулярно помещалась хроника заседаний с изложением докладов об атрибуции гербов на книжных знаках. Кроме того, в изда-

⁸³¹ Огранович С.М. Указ. соч. – С. 20–24; Савонько В.С. Указ. соч. – С. 28–30.

⁸³² Ларионов А. Указ. соч. – С. 25.

⁸³³ Адарюков В.Я. Книжные знаки графов Чернышевых // СК. – 1922. – № 10. – С. 56–57.

⁸³⁴ Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков. – М., 1918. – Вып. 3.

⁸³⁵ Труды Ленинградского общества экслибрисистов. – Л., 1924–1931. – Вып. 1–13. Обзор см.: Горнунг М.Б. Геральдика в «Трудах Ленинградского общества экслибрисистов» (1924–1931 гг.) // Гербовед. – 1996. – № 11. – С. 126–135.

нии публиковались работы В.К. Лукомского, информировавшие не только о принадлежности экслибрисов, но и об авторе некоторых из них – известном русском гравере Н.И. Уткине⁸³⁶. Предпринималась попытка обобщить сведения о гербовых экслибрисах в особом указателе, состоявшем из 180 рисунков⁸³⁷ и значительно облегчавшем их идентификацию.

В источниковедческом отношении геральдические книжные знаки оценил В.С. Савонько⁸³⁸, предложивший их систематизацию, основанную преимущественно на критерии принадлежности. Они были разделены на пять групп: 1) без указания имени владельца; 2) с указанием инициалов или монограммы владельца; 3) с указанием имени, отчества и фамилии владельца; 4) с указанием полного имени владельца и словами в роде «Из библиотеки», «Из собрания»; 5) «декоративные экслибрисы, где герб не главная фигура, а лишь один из элементов изображения, орнамента».

Источниковедческое осмысление дало возможность уточнить сущность понятия «экслибрис», ввести представление о его фальсификате. Подложный книжный знак отличался, по мнению В.К. Лукомского, тем, что при внешнем сходстве с экслибрисом он не использовался по назначению. В.К. Лукомский разделял подобные квазиэкслибрисы на несколько групп, отмечая одновременно частое использование на них гербов и даже выделив особый вид фальсификата, представляющего собой вырезки гербов и виньеток из старых изданий⁸³⁹.

Активное изучение книжных знаков в 1920-е гг. способствовало формированию специальной дисциплины, их изучающей, – экслибрисистики. В литературе подчеркивался ее междисциплинарный характер, в частности то, что она «чрезвычайно близко примыкает к геральдике»⁸⁴⁰. Изучение геральдического компонента в книжных

⁸³⁶ Лукомский В.К. Книжные знаки, гравированные Уткиным // СК. – 1924. – № 3/4. – С. 23–28; *Он же*. Два новооткрытых книжных знака работы Уткина // Труды Ленинградского общества экслибрисистов. – Вып. 4. – Л., 1925. – С. 17–20.

⁸³⁷ Лукомский В.К. Материалы к указателям русских анонимных книжных знаков. Указатель гербовых книжных знаков // Труды Ленинградского общества экслибрисистов. – Вып. 7/8. – Л., 1926. – С. 25–46.

⁸³⁸ Савонько В.С. Русский гербовый книжный знак // СК. – 1921. – № 5. – С. 33–40.

⁸³⁹ Лукомский В.К. Фальсификат в экслибрисе // Советский коллекционер. – 1928. – № 6. – С. 16–17.

⁸⁴⁰ Там же. – С. 15.

знаках воспринималось вполне серьезно и часто ориентировалось на решение источниковедческих задач. Несмотря на локальность тематики, подобные работы углубляли и развивали междисциплинарный диалог гербоведения с книговедением, историей искусства и библиотековедением. В научный оборот вводились новые источники и неизвестная ранее геральдическая информация, в том числе особо ценившиеся неутвержденные дворянские гербы⁸⁴¹.

Использование геральдического материала в музейном деле не исчерпывалось сугубо исследованиями. В 1930-е гг. разрабатывались методические аспекты привлечения предметов с гербами для экспонирования. При этом в соответствии с идеологическими установками эпохи подчеркивалось, что они могут не только дополнить бытовые, политические и социальные сведения, но и помочь в «классовом заострении показа вещевого материала»⁸⁴².

Позднее, в 1950-е гг., развивались междисциплинарные связи геральдики с филигранологией. Появились работы о водяных знаках с изображениями гербов⁸⁴³. Это, разумеется, диктовалось не столько интересами изучения гербов, сколько тем, что подобные филигранные знаки попадали в поле зрения исследователей, становились объектом собирания и анализа. Вне зависимости от цели введение в научный оборот новой информации объективно расширяло источниковую основу геральдических изысканий.

Гербоведение 1920-х гг. носило во многом прагматический характер. При общепринятом отрицании познавательной ценности гербов едва ли не единственным оправданием для исследовательского интереса к ним оказалась необходимость атрибуции многочисленных предметов, поступавших в музейный фонд из разграбленных дворянских усадеб и национализированных частных коллекций. Атрибуции, которые приходилось проводить В.К. Лукомскому в 1920-е – 1930-е гг.⁸⁴⁴, способствовали совершенствованию

⁸⁴¹ По нашим подсчетам, на российских книжных знаках изображено более 400 неутвержденных дворянских гербов.

⁸⁴² Гогель Ф. Роль вещевого материала в музейной экспозиции // Методика музейной работы. – М., 1935. – С. 55.

⁸⁴³ Клепиков С.А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама» // Записки Отдела рукописей. – Вып. 20. – М., 1958. – С. 315–352 и др.

⁸⁴⁴ Из истории отечественного гербоведения... – С. 138–141 (рукопись см.: РГИА. – Ф. 986. – Д. 44. – Л. 16–2); Лукомский В.К. Записка об архиве... – С. 148–149 и др.

методов гербовой экспертизы и, следовательно, поддерживали модель источниковедческого анализа герба. В 1930-е гг. накопленный опыт экспертизы стал предметом методического и теоретического осмысления⁸⁴⁵. В.К. Лукомский выделил этапы подобной работы: определение национальной принадлежности герба, титула владельца и датировка изображения. Полученные данные устанавливали границы поиска сходного рисунка, что позволяло перейти к четвертому, самому трудоемкому этапу экспертизы – сопоставлению со справочниками. В.К. Лукомский подчеркивал комплексный характер экспертизы, ее своеобразные роль и место в познании прошлого, особенно при изучении истории культуры. Именно в ней ученый видел основной источниковедческий смысл герба. Его наличие, расширяя возможности изучения вещественных и письменных памятников, увеличивало их значение как исторических источников. Анализ геральдического компонента провозглашался обязательной, неотъемлемой частью внешней критики любого предмета или текста, на которых герб «красноречиво и убедительно говорит о [...] происхождении, принадлежности и датировке»⁸⁴⁶.

Связь герба с носителем представлялась сложной, дуалистичной, ориентированной не только в направлении «герб – предмет», но и наоборот. Вещественный или письменный памятник также повышает информационные возможности герба как источника информации по истории культуры, экономике, международным отношениям и другим разделам гуманитарной науки. Результаты экспертизы В.К. Лукомский придавал статус универсального, всеобщего и истинного геральдического знания. Осмысление данной модели исследования стало важным моментом в развитии источниковедческой концепции геральдики. С другой стороны, абсолютизация экспертизы, сведение к ней всех возможностей геральдического познания привели к некоей диспропорции в понимании источниковедческой сущности герба. Проблемы изучения герба как самостоятельного для анализа явления, вне его связи с материальным носителем, почти игнорировались. Альтернативные методологические подходы, наметившиеся до 1917 г., в советский период отошли далеко на второй план.

⁸⁴⁵ Лукомский В.К. Гербовая экспертиза...

⁸⁴⁶ Там же. – С. 47.

Задачи и потребности гербовой экспертизы определили новое понимание смысла эвристической работы. Ее цель заключалась в создании справочников, которые должны были обеспечить легкую, быструю и точную атрибуцию любого изображения. В соответствии с данной потребностью обрели особую актуальность полнота справочников и структурирование гербового пространства. В литературе подчеркивалась мысль, что фактически для исследования доступна незначительная часть дворянских гербов, вошедшая в опубликованные тома «Общего гербовника», а также некоторые иные издания. Одновременно обострилась необходимость учета неутвержденных гербов, не отраженных в официальных памятниках. В начале 1920-х гг. В.К. Лукомский обобщил многолетнюю работу по поиску и собиранию таких изображений. Их удалось выявить более 2000, рисунки были сведены в единую картотеку, существовавшую в двух экземплярах. Важно подчеркнуть, что карточки располагались по категориям использованных источников, а «внутри их в эмблематическом порядке гербовых изображений, т. е. начиная с “гербовых фигур” до обыкновенных изображений, как обычно излагаются они в теориях геральдики»⁸⁴⁷.

В 1924 г. В.К. Лукомский приступил к составлению давно намеченного «Эмблематического указателя», который должен был содержать все 4679 официально утвержденных дворянских гербов, также расписанных по фигурам и элементам. Работа продолжалась до 1929 г., но осталась незаконченной, удалось обработать только однопольные гербы (около 1200 рисунков).

Кроме несомненной эвристической направленности, связанной с гербовой экспертизой, эти труды В.К. Лукомского интересны тем, что в них получила развитие идея структуралистского подхода в геральдике. Для полноценного использования было чрезвычайно важно описать гербы по унифицированной схеме. Представление о ней дает руководство к составлению «Эмблематического указателя»⁸⁴⁸ (в литературе его называют также «Эмблематическим гербовником»), созданное В.К. Лукомским в 1918 г. В рукописи четко обозначены принципы описания гербов, сводившиеся к унификации, единству терминов и стратификации. Подробно оговари-

⁸⁴⁷ Лукомский В.К. Записка об архиве... – С. 146–147.

⁸⁴⁸ Геральдика. – Л., 1987. – С. 53–55.

вался счет частей в многопольных гербах, поскольку общепринятая точка зрения о его принципах отсутствовала. Вводились сокращенные обозначения (аббревиатуры) для металлов, финифтей и наиболее распространенных фигур. Оговаривалась необходимость инвариантной, «по возможности краткой» терминологии. Главная новация заключалась в том, что центр внимания переносился с традиционной для формальной геральдики совокупности элементов герба на эмблематику, выступавшую основополагающим компонентом процесса атрибуции. В.К. Лукомский писал: «При описании герба на первом месте более крупными буквами приводится название главной эмблемы герба, если щит однопольный, или главной эмблемы первой части герба, если щит многопольный (лев, орел, роза, рука и т. п.)». Таким образом, герб понимался не как определенная структура из формальных элементов (щит, шлем, нашлемник и др.), а как совокупность эмблем, хотя и подчиняющихся классической визуальной модели. Их совпадение или отличие становились главным условием идентификации изображения и, следовательно, реализации метода экспертизы. Поскольку эмблема в гербе является смыслообразующим, информационно значимым компонентом, то и структуралистская модель анализа наполнялась не только формальным значением, но приобретала также смысловой аспект. Такое понимание наметилось еще в публикациях «Гербовед» до 1917 г. и получило окончательную формулировку в 1930-е гг.

Своеобразным итогом познавательных процессов стал «Эмблематический гербовник»⁸⁴⁹, составленный В.К. Лукомским в 1943–1944 гг. для обучения студентов Историко-архивного института. Потребности преподавания, т. е. полного и системного изложения информации, позволяют проследить реализацию структуралистского и эвристического подходов на практике. Гербы распределены в «Эмблематическом гербовнике» по 17 группам сообразно с общими эмблемами, отражавшими единое происхождение от родоначальника. Благодаря этому знание общей эмблемы, принадлежащей конкретному роду, позволяло провести атрибуцию и, в то же время, представлялось как критерий происхождения, т. е. обозначалось как генеалогическая категория. Намечалось несколько мини-

⁸⁴⁹ Лукомский В.К. Эмблематический гербовник // Геральдика. – Л., 1987. – С. 131–168.

пространств, каждое из которых могло стать, как в историографии до 1917 г. роды потомства Индриса и Гланды Камбилы, предметом самостоятельного дискурса.

Связывая существование научной геральдики в условиях советский действительности с гербовой экспертизой, В.К. Лукомский считал приоритетным развитие дисциплинарной эвристики. После гибели во время Великой Отечественной войны, при пожаре квартиры в блокадном Ленинграде, рукописей составленных справочников, он снова попытался привлечь внимание к проблеме создания информационно-поисковых систем. Он сформулировал программу развития гербоведения в СССР, основное содержание которой составлял комплекс эвристических и археографических задач, направленных на решение взаимосвязанных целей источниковедческих по сути⁸⁵⁰. Предусматривалась планомерная публикация основных геральдических источников, создание полной эвристической системы, включавшей указатели к публикациям и эмблематические гербовники, в которых гербы должны были располагаться по общности эмблем. Реализация планов В.К. Лукомского действительно позволила бы стимулировать геральдические изыскания и вывести их на качественно более высокий уровень. Однако, несмотря на всю привлекательность и продуманность плана, сейчас поражает его абсолютная утопичность. Осуществить его в условиях СССР середины XX в., когда оспаривался сам научный статус геральдики, а из специалистов оставался один В.К. Лукомский, было невозможно.

Иллюзию реализовать задуманное создавало ослабление в годы войны идеологического пресса, что позволило несколько расширить преподавание специальных исторических дисциплин. Кроме того, для составления указателя В.К. Лукомский предполагал привлечь студентов Историко-архивного института, где он работал с 1942 г.⁸⁵¹.

Наряду с потребностью в гербовой экспертизе существование геральдики в СССР поддерживалось преподаванием в высших учебных заведениях. В конце 1910-х – начале 1920-х гг. и до мо-

⁸⁵⁰ Лукомский В.К. Герб как исторический источник. – С. 56–57.

⁸⁵¹ Подробнее см.: Наумов О.Н. Неизвестные источники по истории геральдики в Архиве Российской академии наук. – С. 32–34.

мента ликвидации продолжалось преподавание соответствующего курса в археологических институтах Петрограда и Москвы, а также в филиалах последнего. С 1920 г. геральдика входила в состав общего курса специальных исторических дисциплин в Петроградском государственном педагогическом институте⁸⁵² и в некоторых провинциальных вузах, до 1925 г. – в Петроградском (Ленинградском) университете (здесь ее читал В.К. Лукомский). В 1921–1922 гг. курс геральдики в Донском археологическом институте читал А.П. Молявко-Высоцкий. Особый интерес к ней проявлялся в созданном в 1930 г. Институте архивоведения (в 1932 г. переименованном в Историко-архивный институт). Там геральдику сначала преподавал выдающийся генеалог и архивист Н.П. Чулков, а позднее – Н.В. Устюгов и В.К. Лукомский. Со временем это учебное заведение оказалось единственным местом, где в состав курса специальных исторических дисциплин постоянно входила геральдика.

Традиции изложения и интерпретации материала, заложенные Ю.В. Арсеньевым, нашли продолжение в лекциях А.П. Молявко-Высоцкого⁸⁵³. Они однозначно ориентировались на культурологическую концепцию и разрабатывались преимущественно на французском материале, что предопределялось учебой автора в Бельгии. Как и Ю.В. Арсеньев, А.П. Молявко-Высоцкий исходил из понимания геральдики как неотъемлемой части истории культуры, отстаивал тезис о единстве европейского геральдического пространства и четко определял сферы источниковедческого использования гербов в сфрагистических и археологических исследованиях. Пытаясь сформировать картину бытия геральдики в развитии, в богатстве конкретных проявлений, геральдист прибегал к историографическим экскурсам, которые не только свидетельствовали о блестящем

⁸⁵² Здесь ее преподавал А.М. Большаков, автор учебника по специальным историческим дисциплинам, выдержавшего четыре издания: *Большаков А.М.* Указ. соч. – Тверь, 1922; 2-е изд. – Тверь, 1923; 3-е изд. – Пг., 1923; 4-е изд., перераб. и доп. – Л., 1924.

⁸⁵³ *Молявко-Высоцкий А.П.* Геральдика. Предмет курса; *Он же.* Курс геральдики, читанный в 1918–19 гг. // *Гербовед.* – С. 17–20; *Он же.* *Ars heraldica* // Там же. – С. 78–86; *Он же.* Девизы // Там же. – С. 99–107. Опубликованный в специальном номере журнала «Гербовед», посвященном А.П. Молявко-Высоцкому, материал под названием «Наброски к курсу лекций по русской геральдике» (Там же. – С. 21–44) на самом деле является не оригинальной работой автора, а его выписками из книги А.Б. Лакиера «Русская геральдика».

знании отечественной и зарубежной литературы, не только придавали содержанию полемический оттенок, но и позволяли трактовать частные сюжеты полиаспектно, показывали неоднозначность онтологии герба. В целом, А.П. Молявко-Высоцкий придерживался адекватных оценок конкретного материала, но, стремясь вывести геральдику за рамки средневековой культуры, он искусственно расширил ее хронологические (за счет древности) и пространственные (за счет Южной Америки) пределы, отыскивая гербы там, где их не было и быть не могло.

Курс Н.П. Чулкова⁸⁵⁴ четкой концептуальной основы не имел. Он сочетал положения, заимствованные из лекций Ю.В. Арсеньева, и отдельные идеи А.Б. Лакиера, к которым автор, впрочем, относился критически. Использование труда А.Б. Лакиера детерминировалось спецификой архивного образования, требовавшего ознакомления, прежде всего, с русскими источниками. Структура курса была следующей: после разъяснения понятий «герб» и «геральдика», изложения опознавательной теории происхождения гербов, характеристики института герольдов и двух геральдических систем (европейской и польской), Н.П. Чулков переходил к истории гербоведения, подробному пересказу формальных основ и правил блазонирования. О конкретных гербах говорилось немного, и этот раздел сводился к характеристике источников (Титулярника 1672 г., «Общего гербовника дворянских родов» и др.). Сведения об иконографической эволюции двуглавого орла были перенесены в лекции по сфрагистике. Это можно объяснить как неравномерностью часов, отводившихся на дисциплину (на сфрагистику – 4, на геральдику – 3 лекции), так и мерами предосторожности, желанием не привлекать к идеологически сомнительной теме излишнего внимания.

Содержание курса Н.П. Чулкова отвечало общей методологической и историографической ситуации 1930-х гг. Он настойчиво пытался дать гербу как явлению, геральдике и конкретным фактам оценки с позиций марксизма-ленинизма, использовать «классовый подход» и схемы, предлагавшиеся школой М.Н. Покровского. Причины крестовых походов, например, объяснялись стремлением наладить торговые пути на Восток⁸⁵⁵. Актуальность метода гербовой

⁸⁵⁴ ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 70. – Л. 1–48; Д. 71. – Л. 1–21.

⁸⁵⁵ Там же. – Д. 71. – Л. 4.

экспертизы обусловила специфическую формулировку цели обучения геральдике – дать «общее понятие о гербе и составных его частях и ориентирующие указания, каким образом описать и определить какой-либо герб в случае необходимости»⁸⁵⁶. Отдельным пунктом программы курса предусматривалось ознакомление с гербами на книжных знаках⁸⁵⁷.

Достоинством лекций стало расширение хронологических рубежей за счет характеристики советских гербов. Подобная информация появлялась в учебном курсе впервые, хотя Н.П. Чулкову явно не хватало конкретных сведений. Упомянув о новых городских гербах, составленных после 1917 г., он сетовал, что «к сожалению, у меня не имеется ни одного такого изображения» и что обещанный рисунок нового герба Грузии не был получен⁸⁵⁸.

Лекции Н.П. Чулкова соответствовали традициям досоветского гербоведения, но из-за небольшого количества часов оказались краткими. Геральдика излагалась в минимальном объеме, не позволявшем усвоить материал так, чтобы реально использовать геральдические источники в исследовании. Курс положил начало квазипреподаванию дисциплины, при котором возможность передачи знаний и методических навыков фактически отсутствовала, а генерационная преемственность не обеспечивалась.

Линию преподавания, намеченную Н.П. Чулковым, продолжил Н.В. Устюгов, приступивший к преподаванию 1 сентября 1938 г. В том же году или в первые месяцы 1939 г. он подготовил текст небольшого учебного пособия⁸⁵⁹. В отличие от предшественника гербами он не интересовался, поэтому предложил краткий пересказ трудов Ю.В. Арсеньева, А.Б. Лакиера, В.К. Лукомского. Общая структура курса и подходы к изложению информации были тождественны тем, которые использовал Н.П. Чулков. Связующим звеном между двумя вариантами лекций стала, видимо, программа,

⁸⁵⁶ Там же.

⁸⁵⁷ Там же. – Д. 69. – Л. 9; ЦГА Москвы. – ЦХД после 1917 г. – Ф. 535. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 9.

⁸⁵⁸ ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 71. – Л. 20 об.

⁸⁵⁹ Устюгов Н.В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. – Ч. 4. Рукопись см.: АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 1–17 об. Подробнее о пособии и работе над ним см.: Наумов О.Н. Указ. соч. – С. 22–24.

разработанная Н.П. Чулковым⁸⁶⁰. Изменения оказались незначительными, существенным сокращением подверглись формальные правила, но более подробно характеризовалась советская геральдика, приводились подробные описания гербов союзных республик. Особое внимание уделялось геральдическим статьям в конституции СССР 1936 г. и конституциях союзных республик. Курс Н.В. Устюгова окончательно утвердил ту беглую, часто искаженную трансляцию геральдического знания, которая прочно удерживалась в пособиях весь XX в.

Неудовлетворительная ситуация с обеспечением учебниками по геральдике была очевидна, поэтому В.К. Лукомский в период сотрудничества с Историко-архивным институтом начал работу над специальным пособием по дисциплине, но смерть ученого помешала ее завершить.

Деградировала не только учебная литература, но и геральдическое знание в целом. Снова, как в XVIII в., появились рукописные гербовники, к которым кроме упомянутых собрания неутвержденных гербов и «Эмблематического указателя» В.К. Лукомского следует отнести «Кавказский гербовник», составленный под его руководством аспирантом Ленинградского университета В.В. Зенкевичем. «Кавказский гербовник» готовился по усовершенствованной модели, опробованной в «Малороссийском гербовнике»⁸⁶¹, и содержал около 250–300 гербов грузинских родов, собранных с различных предметов и из письменных источников⁸⁶². Рисунки сопровождались генеалогическими и геральдическими комментариями. В.К. Лукомский придавал этой работе весьма большое значение и даже включал ее в списки основных справочных изданий⁸⁶³. Судьба рукописи остается до сих пор невыясненной⁸⁶⁴.

В советский период научная геральдика переживала острый кадровый кризис. Отсутствие специалистов могло привести к пол-

⁸⁶⁰ ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 69. – Л. 7–10.

⁸⁶¹ Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник.

⁸⁶² Лукомский В.К. Записка об архиве... – С. 147–148.

⁸⁶³ Лукомский В.К. Гербовая экспертиза... – С. 76.

⁸⁶⁴ Рукопись «Кавказского гербовника» погибла вместе с архивом В.К. Лукомского в 1942 г., но, скорее всего, существовало несколько ее экземпляров. В 1993 г. семья Абашидзе передала грузинскому генеалогу И.Л. Бичикашвили ксерокопию рукописи, озаглавленной «Кавказский гербовник. Ч. 1. Тавадские роды», якобы сня-

ному прекращению исследований. Историки не хотели заниматься неперспективной и даже опасной дисциплиной. Группировавшиеся вокруг В.К. Лукомского немногие ученики со временем отошли от занятий гербами. Как писал он в 1939 г. известному книговеду П.Д. Эттингеру: «Все переквалифицировались и лучший из них [вероятно, В.В. Зенкевич. О.Н.] стал инженером-химиком»⁸⁶⁵. В.К. Лукомский, несомненно, понимал сложность кадровой ситуации, поэтому в качестве одного из пунктов программы интенсификации советского гербоведения он называл подготовку специалистов, в том числе через аспирантуру⁸⁶⁶. Центром решения кадровой проблемы должен был стать, по мысли В.К. Лукомского, Историко-архивный институт.

Об эволюции отношения к дисциплине на протяжении 1920-х – 1950-х гг. наглядно свидетельствуют энциклопедии. Первая статья советского периода, написанная К.И. Дуниным-Борковским для «Энциклопедии государства и права»⁸⁶⁷, продолжая традиции «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, давала геральдике всестороннюю и преимущественно объективную характеристику. Однако в конце 1920-х гг. начались изменения, резко сократились объемы информации. В первом издании «Большой советской энциклопедии» статья «Геральдика», подготовленная В.К. Лукомским⁸⁶⁸, занимала немногим более двух столбцов. Исчезло свойственное до-

революционным универсальным справочникам разделение материя-
ту с утерянного оригинала. Она датирована 1922 г., но автором ее обозначен некто В. Цихинский. В рукописи содержится 131 герб, принадлежащий 95 семьям, и имеется указание на то, что часть их заимствована из архива Департамента Герольдии и из материалов В.К. Лукомского. Представляется вполне вероятным, что обнаруженная рукопись каким-то образом соотносится с «Кавказским гербовником» В.В. Зенкевича, но объяснить иное авторство пока не представляется возможным. В известных нам материалах В.К. Лукомского нет указаний, чтобы наряду с В.В. Зенкевичем кто-либо другой занимался сбором сведений о кавказских гербах. См.: Гулордава Д.А. «Кавказский гербовник» В. Цихинского // Гербовед. – 2000. – № 44. – С. 75–87.

⁸⁶⁵ Эттингер П.Д. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников. – С. 243.

⁸⁶⁶ Возможно, единственным результатом программы В.К. Лукомского оказалась первая в отечественной науке диссертация по геральдике, защищенная А.А. Ураносовым в Историко-архивном институте в 1953 г. под руководством Л.В. Черепнина (Ураносов А.А. Русские областные и городские печати и гербы...).

⁸⁶⁷ Дунин-Борковский К.И. Указ. соч. – Стлб. 566–580.

⁸⁶⁸ Лукомский В.К. Геральдика // БСЭ. – Т. 15. – М., 1929. – Стлб. 423–425.

ала на две самостоятельные статьи «Геральдика» и «Герб», а также статьи о наиболее известных геральдистах Б.В. Кёне и А.Б. Лакиере. Для второго издания статьи о геральдике писали А.Д. Люблинская и А.В. Арциховский⁸⁶⁹. Хотя их было три (герб, геральдика, государственный герб)⁸⁷⁰, они представляли собой небольшие заметки, не имевшие даже подписи. Следует заметить, что именно энциклопедии тонко улавливали процессы, свойственные гербоведению определенного периода: появление советских символов, политическая оценка гербов, ориентация на русские источники. А.В. Арциховский использовал статью для изложения собственного мнения о генезисе отечественных территориальных гербов, которое было спорным.

В 1920-е – 1950-е гг. существенно уменьшилось количество исследований по геральдике, изменилась их тематика. Изучение конкретных сюжетов стало избирательным. Полностью отсутствовали работы о формальных правилах, поскольку стимулировавшие их потребности герботворчества уже не существовали. В середине 1920-х гг. сведения о структуре герба еще присутствовали в энциклопедиях, но с конца десятилетия они исчезли и из них. Формальные правила излагались, да и то кратко, только в учебных пособиях⁸⁷¹.

Аналогичная ситуация сложилась в отношении иностранной геральдики. Информация о зарубежном опыте присутствовала только в тех случаях, когда без нее совершенно нельзя было обойтись – при описании происхождения гербов, излагавшихся в соответствии с опознавательной теорией, в учебных и справочных изданиях. Однако даже тогда характеристика иностранного геральдического пространства сводилась к минимуму. В лекциях Н.П. Чулкова первоначально предполагался раздел об иностранных государственных гербах⁸⁷², но в окончательный вариант он не вошел. В начале 1950-х гг. даже в энциклопедиях данные о зарубежной геральдике были чрезвычайно краткими⁸⁷³. Единственной специальной

⁸⁶⁹ Шаркова И.С. А.Д. Люблинская и вспомогательные исторические дисциплины // Вспомогательные исторические дисциплины. – Вып. 12. – Л., 1981. – С. 342; Арсений Владимирович Арциховский. – М., 1973. – С. 40.

⁸⁷⁰ [Арциховский А.В.] Герб // БСЭ. – 2-е изд. – Т. 10. – [М., 1952]. – С. 602; [Люблинская А.Д.] Указ. соч.; Герб государственный // Там же. – С. 602–603.

⁸⁷¹ Большаков А.М. Указ. соч. – 4-е изд., перераб. и доп. – С. 164.

⁸⁷² ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 71. – Л. 39 об.

⁸⁷³ [Люблинская А.Д.] Указ. соч.

работой, посвященной иностранному опыту, оказалась небольшая статья А.Н. Кубе о гербе Сицилии⁸⁷⁴, в которой его генезис датировался последней четвертью XIV в., а сам он рассматривался как следствие брака Мартина Арагонского и Марии Сицилийской. Следующая публикация о зарубежной геральдике, вышла в свет только через 30 лет. Ей оказался альбом, посвященный, если верить названию, гербам иностранных государств⁸⁷⁵. Однако фактически он представлял собой географический справочник, и кроме цветных рисунков никакой геральдической информации не содержал.

В 1920-е – 1950-е гг. не изучалась история государственного герба дореволюционной России. В редких работах, упоминавших о нем, повторялись идеи и сведения, накопленные до 1917 г. Безраздельно господствовала версия о византийском происхождении двуглавого орла, а информация об иконографической эволюции переносилась в сфрагистические или археологические труды, где казалась более безопасной или, во всяком случае, более обусловленной вещественным материалом. Некоторые публикации были связаны с историей Византии. Предпринимались попытки доказать факт заимствования двуглавого орла из Месопотамии, из «символики государственного герба Ширпурлы»⁸⁷⁶. На основе археологических данных анализировалось использование изображения на родовых эмблемах правителей Мангупа⁸⁷⁷. Изучение герба часто подменялось историей государственной печати. Хронологически исследование, как правило, прерывалось на XVII в. и не доводилось до XIX в., хотя именно в тот период государственная символика активно эволюционировала, а описания ее вариантов имелись в «Полном собрании законов Российской империи» и были вполне доступны. Так поступили Н.П. Чулков, Б. Иванов и Н. Коробков⁸⁷⁸. В контексте таких предосторожностей неожиданным выглядит пространный экс-

⁸⁷⁴ Кубе А.Н. О происхождении герба Сицилии // Сообщения Гос. академии истории материальной культуры. – Т. 1. – Л., 1926. – С. 263–266.

⁸⁷⁵ Гербы, флаги стран мира. – [М.], 1957.

⁸⁷⁶ Карелин А. Седая древность и символика российского герба // Пламя. – 1920. – № 16. – С. 15.

⁸⁷⁷ Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // Известия Гос. академии истории материальной культуры. – Вып. 71. – [Л.], 1933. – С. 5–46.

⁸⁷⁸ Коробков Н.М., Иванов Б. Русские печати // Архивное дело. – 1939. – № 3. – С. 31–57.

курс в историю государственного герба, предпринятый Е. Звягинцевым в статье «История герба СССР»⁸⁷⁹. Хотя он предназначался для того, чтобы показать коренное отличие советской символики от дореволюционной, фактически автор демонстрировал познавательную равноценность государственной геральдики на всем протяжении истории страны.

Двуглавному орлу в советской историографии давались политические, уничижительные оценки. Он трактовался как «эмблема империализма»⁸⁸⁰, а его заимствование из Византии, по мнению отдельных авторов, «должно было объяснить и оправдать беспрерывные территориальные завоевания и захваты Москвы»⁸⁸¹. Государственный герб, составной частью которого являлись региональные эмблемы, понимался как наглядное доказательство «порабощения отдельных народностей и земель», свидетельство «их позора и унижения»⁸⁸². Он якобы «кичливо подытоживал длинную историю великодержавной политики, проводимой царизмом с благословения церкви»⁸⁸³. Подобные трактовки характерны для публикаций, ориентированных на более или менее широкую публику, в сугубо научных работах по сфрагистике они отсутствовали.

Территориальные гербы после 1917 г. также игнорировались как объект анализа, но уже по другим причинам. Они не давали таких широких возможностей для идеологических оценок и пропаганды, как государственная геральдика, и не представляли интереса для атрибуции предметов, как родовая. Только в 1921 г. С.Н. Троицкий предложил свою версию происхождения смоленского герба⁸⁸⁴, с которой категорически не согласился В.К. Лукомский. Ответная статья⁸⁸⁵ в этой растянувшейся во времени дискуссии была напечатана только спустя 25 лет. Суть полемики сводилась к уточнению генезиса герба. С.Н. Троицкий считал, что в его основе на-

⁸⁷⁹ Звягинцев Е. История герба СССР // Исторический журнал. – 1937. – № 5. – С. 130–134.

⁸⁸⁰ Дунин-Борковский К.И. Указ. соч. – Стлб. 576.

⁸⁸¹ Звягинцев Е. Указ. соч. – С. 132.

⁸⁸² Дунин-Борковский К.И. Указ. соч. – Стлб. 578.

⁸⁸³ Звягинцев Е. Указ. соч. – С.133.

⁸⁸⁴ Троицкий С.Н. О гербе смоленском. – С. 345–355.

⁸⁸⁵ Лукомский В.К. К вопросу о происхождении смоленского герба // Труды Историко-архивного института. – Т. 2. – М., 1946. – С. 71–76.

ходила использованная в качестве матрицы для печати античная гемма с фаллическим изображением, ошибочно истолкованным как отрубленная задняя часть льва с сидящей на ней птицей. Именно в таком виде оно вошло в немецкий гербовник Марка Амброзиуса, датируемый XVI в. Отвергая любую связь между геммой и смоленским гербом, В.К. Лукомский назвал гипотезу С.Н. Тройницкого «домыслом». Он установил, что гербовник заимствовал изображение из «Хроники Констанцкого собора 1413 г.», составленной в 1483 г. К. Грюненбургом, и предположил, что отрубленная часть льва с птицей – геральдизированное изображение пушки, которое встречалось на печатях смоленских князей с конца XIV в. Poleмика, основанная еще на принятых до 1917 г. методических принципах, обозначила интерес к изучению группы региональных эмблем, восходивших к допетровскому времени.

Статья В.К. Лукомского появилась в период, когда внимание к проблеме генезиса территориальной геральдики обозначилось вполне четко. Пропагандировалась идея А.Б. Лакиера о древности земельных символов России, прямо возводившихся к XII в.⁸⁸⁶. Реанимация уже отвергнутой точки зрения началась в 1920-е гг. в основном на примере владими́ро-суздальской символики⁸⁸⁷, а особую популярность тезис приобрел в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Эти процессы, с одной стороны, стали следствием расширенного толкования понятия «герб» в 1920-е – 1930-е гг., а с другой – соответствовали общей историографической ситуации, борьбе с космополитизмом и поиском национальных истоков у любых явлений. Утверждение о древности территориальных гербов приобретало в таком контексте существенное значение, позволяя доказать их самобытность и представить как «чисто русские национальные изображения»⁸⁸⁸, не испытавшие западного влияния.

Вопрос о существовании территориальной геральдики в Древней Руси разрабатывался А.В. Арциховским⁸⁸⁹. Он отстаивал древ-

⁸⁸⁶ Арциховский А.В. Указ. соч. – С. 602.

⁸⁸⁷ Некрасов А.И. О гербе суздальских князей // Сборник Отделения русского языка и словесности АН СССР. – Т. 101. – Вып. 3. – Л., 1928. – С. 406–409; то же: Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. – Л., 1928. – С. 406–409.

⁸⁸⁸ Ураносов А.А. Указ. соч. – С. 4.

⁸⁸⁹ Арциховский А.В. Древнерусские областные гербы // Ученые записки Московского государственного университета. – Вып. 93. История. – Кн. 1. – М., 1946. – С. 43–

ность этой группы гербов (не эмблем) в России, провел сравнительный анализ шести собраний «гербов» на печатях и предметах XVI–XVII вв. и подробно описал генезис 7 эмблем – новгородской, владимирской, нижегородской, казанской, астраханской, вятской и пермской. Опираясь на нумизматические, сфрагистические, археологические, нарративные источники, А.В. Арциховский стремился показать их древние истоки. При этом всем найденным изображениям он безоговорочно придавал геральдический статус, в чем заключалась его серьезная методическая ошибка.

Логическим продолжением исследований А.В. Арциховского стала диссертация А.А. Ураносова⁸⁹⁰. Она претендовала на роль сводного исследования в области территориальной геральдики. Характерны избранные автором временные рамки – XV–XVII вв., т. е. период, когда (за исключением последних двух десятилетий) гербов в традиционном понимании термина на Руси не существовало. А.А. Ураносов собрал значительный фактический материал, однако анализ его не выходил за рамки методов, примененных предшественниками, особенно А.В. Арциховским. Выводы и обобщения А.А. Ураносова нельзя признать ни новыми, ни объективными. Часто он повторял идеи, заимствованные из более ранних трудов (например, о светском характере московского всадника), выдавая их за результаты собственного дискурса. Самостоятельности и верифицированности анализа мешало также стремление излагать факты в строгом соответствии с общепринятой в начале 1950-х гг. концепцией исторического развития России, с марксистско-ленинской методологией. На содержании работы отразились кампания по борьбе с космополитизмом и преклонение перед «научными заслугами» И.В. Сталина, имя которого упомянуто только в автореферате более 10 раз. Осторожность А.А. Ураносова приводила не только к ангажированности анализа, но и к понятийным искажениям. Как справедливо отмечал официальный оппонент профессор Чернов⁸⁹¹, упоминавшийся автором «исторически сложившийся комплекс гербов» следовало называть более корректно – государствен-

67; *Он же*. Древнерусские областные гербы // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 год. Отделение истории и философии Академии наук СССР. – М.; Л., 1947. – С. 89–90.

⁸⁹⁰ Ураносов А.А. Указ. соч.

⁸⁹¹ ЦГА Москвы. – ЦХД после 1917 г. – Ф. 535. – Оп. 1. – Д. 736. – Л. 34.

ным гербом. На необоснованность тезиса об отражении в московском всаднике «идеи суверенных прав народа» указывал другой оппонент, нумизмат Г.Б. Федоров⁸⁹². Конечно, оппоненты не сказали о главном – о вторичности диссертации, основное значение которой для научной геральдики заключалось не в конкретном содержании, а в постановке вопроса о необходимости изучения русских территориальных гербов.

Тем не менее, диссертация стала заметным событием в области специальных исторических дисциплин. В 1955 г. предлагалось напечатать ее текст в виде книги, а сама работа характеризовалась как «первое широкое, монографическое исследование русских печатей и гербов XV–XVII вв.»⁸⁹³. Публикации, конечно, не произошло. Слишком неприемлемой оставалась тема для исторической науки, занятой изучением деятельности КПСС, а также «революционного движения» во всех его формах и мельчайших проявлениях, однако саму идею об издании геральдического труда, едва ли не впервые после 1917 г., можно расценивать как знаковую, как одно из проявлений политической «оттепели» в познании прошлого.

Несмотря на многочисленные методологические недостатки, работа А.А. Ураносова ориентировалась на признание за гербом источниковедческого значения, которое отразилось в систематизации территориальных символов на основании тематического критерия. В дальнейшем А.А. Ураносов продолжал развивать эту идею применительно к XVIII в.⁸⁹⁴. Опираясь на анализ эмблематики, он указал особенности экономического развития регионов России – строительное дело, горнорудная, металлодобывающая или текстильная промышленность, солеварение, лесозаготовки. Весьма показательна модификация источниковедческой трактовки территориальных гербов. Если в диссертации А.А. Ураносов признавал за ними значение лишь дополнительных источников, то впоследствии он указал на их познавательную полноценность⁸⁹⁵.

⁸⁹² Там же. – Л. 37.

⁸⁹³ АРАН. – Ф. 1950. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 77. Подробнее см.: *Наумов О.Н.* Известные источники по истории геральдики в Архиве Российской академии наук. – С. 38.

⁸⁹⁴ *Ураносов А.А.* Гербы русских городов XVIII в. ... – С. 225–232.

⁸⁹⁵ *Ураносов А.А.* Русские областные и городские печати и гербы... – С. 5.

Идея о древности и самобытности русских гербов, муссировавшаяся на рубеже 1940-х – 1950-х гг., стала основой для призывов к реабилитации старых эмблем, к их возврату в жизнь социума, к новому осмыслению и приспособлению к изменившимся условиям жизни⁸⁹⁶. Подобные предложения, разумеется, относились только к тем из них, которые содержали естественные или промышленные (идеологически нейтральные) эмблемы. Однако, как и в 1920-е гг., в начале 1950-х гг. попытки изменить отношение власти к досоветским городским гербам остались безрезультатными.

Изучение конкретных родовых гербов в 1920-е – 1940-е гг. было представлено единичными публикациями В.К. Лукомского. Если не принимать во внимание статьи, посвященные экслибристам, то это направление изысканий исчерпывалось всего тремя работами – о гербах Пушкиных, первопечатника Ивана Федорова и известного деятеля XVI – начала XVII в. князя К.К. Острожского⁸⁹⁷. Все они вполне соответствовали источниковедческой концепции и касались решения генеалогических вопросов на основе геральдической информации. Главной их задачей являлась традиционная для досоветской историографии проблема генезиса. В.К. Лукомский привел доводы в пользу славянского происхождения Пушкиных, выводившихся родовой легендой «из Прус», и доказывал принадлежность Ивана Федорова к дворянскому роду Рагозиных (Рагоз). Расшифровав изображенный на золотой медали сложный, составленный из четырех элементов герб князя К.К. Острожского, ученый установил, что в нем объединены эмблемы его отца и матери, а также символы, указывавшие на их происхождение соответственно от Рюрика и великого князя литовского Гедимина. Предложенную гипотезу о происхождении Ивана Федорова подверг критике крупный советский историк М.Н. Тихомиров, который назвал ее «раз-

⁸⁹⁶ А. Свирин писал, что «по-новому осмысленные гербы своеобразно прославляют на всю страну города, в которых живут и трудятся мастера социалистического производства» (Свирин А. Воскрешение традиции // Огонек. – 1951. – № 12. – С. 32).

⁸⁹⁷ Лукомский В.К. Медаль Костянтина Костянтиновича Острозького // Науковий збірник за рік 1925: записки Історичної секції Української Академії наук. – Т. 20. – Київ, 1926. – С. 41–46; Он же. К вопросу о родоприсхождении Ивана Федорова // Иван Федоров первопечатник. – М.; Л., 1935. – С. 167–175; Он же. Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных – Радше // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 6. – М.; Л., 1941. – С. 398–408.

ыгравшейся фантазией»⁸⁹⁸. Однако В.К. Лукомский продолжал отстаивать свою правоту, заявив, что оппонент никаких четких опровержений не представил и «никакого понятия о геральдике вообще не имеет»⁸⁹⁹. Названные исследования наглядно демонстрировали устойчивость дисциплинарной методик и подтверждали перспективность использования геральдических данных для исторического и генеалогического знания. Примечательно, что в обзоре развития специальных исторических дисциплин после 1917 г. ученый поместил их в разделе генеалогии, а не геральдики⁹⁰⁰. Однако публикации даже самого высокого научного уровня не могли изменить общей ситуации, когда все геральдические исследования сводились к работам одного специалиста. После смерти В.К. Лукомского в 1946 г. публикации о родовых гербах прекратились на несколько десятилетий.

После 1917 г. не было публикаций библиографических указателей по геральдике, но В.К. Лукомский вел постоянный учет дисциплинарной литературы. Он составил полный список, охвативший труды до 1921 г., а затем регулярно дополнял его. Последние данные относились к 1941 г. Этот перечень содержал работы не только о гербах, но и о знаках собственности, знаке Рюриковичей, а также о рисунках гербов, опубликованных в общей исторических и художественных изданиях. Отдельно фиксировались труды на иностранных языках⁹⁰¹. Все эти рукописи погибли вместе с архивом ученого в 1942 г. В середине 1940-х гг. В.К. Лукомский предпринял повторную попытку ретроспективного учета и подготовил довольно полный список работ с XVIII в. по 1917 г.⁹⁰². В него вошли не только книги и журнальные статьи, но также газетные публикации. Этот перечень подвел итоги развитию дисциплины и разрешил задачу, назревшую еще в начале XX в.

Логически связан с библиографическими изысканиями доклад В.К. Лукомского о состоянии генеалогии, геральдики и сфрагистики за советский период, сделанный в Историко-архивном институ-

⁸⁹⁸ Тихомиров М.Н. Начало московского книгопечатания // Ученые записки МГУ. – Вып. 41. – Серия История. – М., 1940. – С. 91.

⁸⁹⁹ Лукомский В.К. Обзор трудов по генеалогии, геральдике и сфрагистике... – С. 78.

⁹⁰⁰ Там же.

⁹⁰¹ Лукомский В.К. Записка об архиве... – С. 143.

⁹⁰² Лукомский В.К. Библиографический указатель русской литературы...

те в июле 1943 г.⁹⁰³. Работа носила не столько историографический, сколько библиографический характер. Перечисляя немногочисленные публикации, появившиеся после 1917 г., автор давал каждой обстоятельную аннотацию, иногда вступая в полемику или поддерживая позиции авторов. В качестве предисловия приводились небольшие экскурсы в историю дисциплин, выдержанные в традициях советской историографии и содержавшие не всегда корректные оценки и не всегда объективную критику.

Этими двумя трудами фактически исчерпывались работы, связанные каким-либо образом с историей отечественной геральдики. Характерно, что они долгое время оставались в рукописи и были опубликованы только в конце XX века.

Отдельных сюжетов из истории русской геральдики касались книговедческие и источниковедческие публикации. Не затрагивая специально геральдических аспектов конкретных памятников, авторы выясняли и уточняли факты, которые объективно представляли интерес для гербоведения. В работах А.С. Косцовой⁹⁰⁴ был подвергнут источниковедческому анализу эрмитажный экземпляр Титулярника 1672 г., уточнена его датировка, авторство, обстоятельства создания, соотношение с другими экземплярами, источники иллюстраций. В статьях М. Балика и Т.А. Быковой⁹⁰⁵ исследовалась книга «Символы и эмблемата». Было установлено существование ранее неизвестного ее переиздания 1719 г.

Единственной биографической публикацией в советской историографии стал некролог В.К. Лукомского⁹⁰⁶, написанный Л.В. Черепниным на основе доклада, сделанного на посвященном памяти ученого заседании Ученого совета Историко-архивного института в 1946 г.⁹⁰⁷

⁹⁰³ Лукомский В.К. Обзор трудов по генеалогии, геральдике и сфрагистике...

⁹⁰⁴ Косцова А.С. К вопросу о датировке эрмитажного и б. эрмитажного «Титулярников» // СГЭ. – Вып. 10. – Л., 1956. – С. 12–14; Она же. «Титулярник» собрания Государственного Эрмитажа // ТГЭ. – Т. 3. – Л., 1959. – С. 16–40.

⁹⁰⁵ Балик М. «Символы и эмблемата». Амстердам, 1705 год // Исторический журнал. – 1939. – № 9. – С. 154–156; Быкова Т.А. Петербургское издание книги «Символы и эмблемата» // Описание изданий гражданской печати. – М.; Л., 1955. – С. 528–533.

⁹⁰⁶ Черепнин Л.В. В.К. Лукомский (1882–1946) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Вып. 14. – М.; Л., 1947. – С. 120–121.

⁹⁰⁷ См.: Стенограмма заседания Ученого совета Историко-архивного института, посвященного памяти В.К. Лукомского. – С. 123–140. Рукопись доклада Л.В. Черепни-

По мере развития советской геральдической системы формировалось новое направление дисциплинарных изысканий. Советская геральдика складывалась постепенно, в основном с 1918 до конца 1930-х гг. Предметом постоянного исследовательского интереса она стала только в 1950-е гг.⁹⁰⁸. Особенности советских гербов (жесткая политическая обусловленность символики, искусственный генезис, тесная связь с государственными институтами) наложили на работы заметный отпечаток.

Основным предметом изучения выступали гербы СССР и, в меньшей степени, РСФСР. Оба они были преимущественно политическими символами, поэтому уже с 1920-х гг. подчеркивалось качественное отличие их семантики от гербов капиталистических стран и царской России. К.И. Дунин-Борковский трактовал герб СССР как «эмблему распространения власти труда и коммунистических идеалов во всем мире»⁹⁰⁹, как символ конечного идеала коммунизма, заключающегося в уничтожении межгосударственных границ. В 1930-е гг. приобрел актуальность тезис о воплощении в нем единения народа, союза советских республик. Получили толкование отдельные символы. Серп и молот, в частности, объяснялись не только как выражение союза рабочих и крестьян, но и как указание на их волю к победе и созданию советского государства. В конце 1940-х гг. появились интерпретации геральдической системы в целом. Она, по мнению авторов, выражала коллективизм, дружбу народов, союз рабочих и крестьян, мирный труд, равноправие народов и наций. Одновременно подчеркивалось, что девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» на двух языках есть признание «руководящей роли великого русского народа в братском содружестве народов СССР»⁹¹⁰. В более обобщенном виде вывод о семантике советской геральдики сводился к тому, что она отражает социалистическую идеологию, соответствующую новому типу государства.

на см.: АРАН. – Ф. 1791. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 1–60; машинопись его см.: ЦГА Москвы. – ЦХД после 1917 г. – Ф. 535. – Оп. 1. – Д. 328. – Л. 18–36.

⁹⁰⁸ Гимн, герб и флаг Советской Украины // Славяне. – 1950. – № 1. – С. 29–30; Герб и флаг Союза ССР // Вожатый. – 1959. – № 1. – С. 17 и др.

⁹⁰⁹ Дунин-Борковский К.И. Указ. соч.

⁹¹⁰ Герб государственный // БСЭ. – С. 603.

Вопрос о соответствии советских гербов канонам классической формальной геральдики трактовался дифференцированно. Больше всего внимания ему уделил К.И. Дунин-Борковский, который вскоре после утверждения герба РСФСР предлагал придать ему более геральдичный вид⁹¹¹: использовать в качестве щитодержателей рабочего и крестьянина, в качестве короны – буденовку и т. п. В целом, он констатировал соответствие герба формальным правилам, но его описание в конституции 1918 г. назвал ненаучным, указав на многочисленные недостатки, делавшие воспроизведение по нему рисунка невозможным⁹¹². В более поздних работах подчеркивалось сознательно сделанное, принципиальное отличие советских и досоветских гербов.

Большинство публикаций о советской геральдике не содержало исследовательского момента и преследовало сугубо информационные цели. С начала 1950-х гг. выходили в свет собрания рисунков республиканских гербов⁹¹³. В них отсутствовал не только какой-либо текст, но даже описания, которые появились позже и заимствовались из конституций. Тезис об уникальности советской геральдики позиционировался тем, что выходившие издания, будучи по содержанию гербовниками, именовались альбомами, и этот термин использовался по отношению к аналогичным книгам до конца XX в.

Необходимость научного анализа советских гербов была декларирована в конце 1940-х гг.⁹¹⁴. Однако регулярный характер осмысления накопленного опыта приобрело только спустя десятилетие, с конца 1950-х гг., когда началось использование архивных материалов. Большое значение для изучения советской символики имела публикация воспоминаний В.Д. Бонч-Бруевича о создании герба СССР⁹¹⁵, ставших впоследствии обязательным источником для всех исследований на данную тему.

⁹¹¹ Дунин-Борковский К.И. О гербе и флагах РСФСР. – М., 1922.

⁹¹² Дунин-Борковский К.И. Герб. – Стлб. 577.

⁹¹³ Государственный герб СССР. Государственные гербы союзных республик. – [М.], 1950; Государственный герб СССР. Государственный флаг СССР. Государственные гербы и флаги союзных советских социалистических республик. – М., 1959.

⁹¹⁴ Стрельский В.И. Советский государственный герб // Научные записки Киевского государственного университета. – 1949. – Т. 8. – Вып. 1. – С. 139–161.

⁹¹⁵ Бонч-Бруевич В.Д. В.И. Ленин в Петрограде и в Москве (1917–1920 гг.). – М., 1956. – С. 19–21; Он же. Наш Ильич: воспоминания. – М., 1956. – С. 53–55.

Для советского периода характерно стремление распространить на научную геральдику марксистско-ленинскую методологию и принципы исторического материализма со свойственным ему классовым подходом. Эти новации были во многом вынужденными. Насколько подобные оценки являлись авторскими, а насколько следствием редакторской работы⁹¹⁶, определить можно не всегда. С другой стороны, несомненно, что в силу идеологической конъюнктуры и обязательности классовых оценок любых событий и явлений историки принимали определенные правила словесной игры, тем более, когда речь шла о таком сомнительном с точки зрения официальной науки предмете анализа, как гербы. Например, в лекциях Н.П. Чулкова классовые оценки присутствовали, но ограничивались формальными, краткими замечаниями, после которых продолжался объективный, информационно насыщенный текст⁹¹⁷.

Проникновение марксистско-ленинской методологии в научную геральдику происходило постепенно. В 1920-е гг. ее влияния практически не ощущалось, оно проявлялось эпизодически, но в 1930-е гг. методологическая экспансия стала более агрессивной. К началу 1950-х гг. сложилась четкая модель материалистического подхода к изучению гербов, когда геральдическая информация ловко интегрировалась в заранее заданные схемы. С того времени новая методологическая установка утвердилась окончательно. Каждый из разделов дисциплины получил однозначные и прямолинейные трактовки с позиций марксизма, особенно резкие и негативные применительно к государственной символике. «Классовые оценки» распространялись также на территориальные и родовые страты пространства, а также на конкретные гербы. Критика касалась только дореволюционного российского и зарубежного опыта, но была неприемлема применительно к советским гер-

⁹¹⁶ Н.В. Устюгов писал о статье В.К. Лукомского «Гербовая экспертиза»: «Мне ее пришлось основательно “перешерстить”, и она была исправлена по моим указаниям» (*Каменцева Е.И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. Ученые и их труды. – М., 1988. – С. 94*). В этом контексте показательно, что в более поздней статье В.К. Лукомского «Герб как исторический источник» гораздо меньше классовых оценок, чем в «Гербовой экспертизе», а сам он упоминал о 5 вариантах последней статьи (*Лукомский В.К. Записка об архиве... – С. 150*).

⁹¹⁷ ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 71. – Л. 2 об., 4.

бам, которым давались исключительно апологетические характеристики.

Не все исследователи строго придерживались идеологических штампов. Например, А.В. Арциховский в статье о древнерусских областных гербах⁹¹⁸ ни разу не упомянул о марксизме-ленинизме.

Доминантную роль в марксистском понимании герба играл классовый подход. Сложившаяся в начале столетия парадигма геральдического исследования была дополнена новым элементом. После идентификации и анализа эмпирическому материалу следовало давать «соответствующую классовую оценку»⁹¹⁹ и только затем использовать полученную информацию для выводов. Геральдика синтезировалась с понятием собственности, с экономической и политической историей, т. е. с проблематикой, занимавшей в советской историографии основные позиции. В конце 1940-х – 1950-х гг. прямолинейная интерпретация герба как результата классовой борьбы оказалась вытеснена трактовками в контексте учения об общественно-экономических формациях. Геральдика стала рассматриваться в качестве одного из элементов политической надстройки.

Развитие гербоведения после 1917 г. продолжалось не только в СССР, но и в среде русской эмиграции, осевшей в Европе и Америке. Работы о гербах публиковались во Франции, Югославии, Бельгии, США и других странах, где проживала диаспора. Исследователям-эмигрантам приходилось сталкиваться с серьезными трудностями в исследованиях, но они имели совершенно иной характер, чем в советской науке. Идеологические ограничения, разумеется, отсутствовали, а главной проблемой оказалась недоступность архивных источников. Это была общая трудность для всех исторических исследований в эмиграции. Она преодолевалась тремя способами: использованием иностранных источников, касавшихся России, углубленным изучением досоветских публикаций и поиском русских материалов, находящихся за границей⁹²⁰. Аналогичные направления источниковедческих поисков сформировались и в геральдике.

⁹¹⁸ Арциховский А.В. Древнерусские областные гербы. – С. 43–67.

⁹¹⁹ Лукомский В.К. Гербовая экспертиза... – С. 49.

⁹²⁰ См.: Наумов О.Н. Источники исследований русских генеалогов в эмиграции // История России XIX–XX веков: историография, источниковедение. – Н. Новгород, 1995. – С. 133–134.

В теоретическом и методическом отношении эмигрантские работы являлись прямым продолжением сложившейся до 1917 г. традиции.

Оценка возможностей геральдики для познания прошлого оставалась двойственной.

С одной стороны, она однозначно признавалась научной дисциплиной, необходимой для изучения исторических событий и процессов. Одной из задач провозглашалось продолжение в эмиграции изысканий «по тем подсобным истории наукам, как археология, генеалогия, евгеника, геральдика и прочие, которые являются источниками для общего историка»⁹²¹. Активно развивался междисциплинарный диалог геральдики с генеалогией. Именно потребность в сведениях о гербах при родословных исследованиях оказалась фактором, поддерживавшим интерес к геральдике. Ссылки на «Общий гербовник дворянских родов» постоянно присутствовали в предисловиях к поколенным росписям, хотя описания гербов помещались редко (преимущественно из-за экономии места), особенно в 1930-е гг.

С другой стороны, в эмигрантской историографии продолжала бытовать негативная оценка познавательных возможностей русской геральдики. Активным ее сторонником оставался Л.М. Савелов, деятельность которого оказывала большое влияние на состояние генеалогии⁹²². Он отстаивал собственное мнение об отсутствии исторических предпосылок для существования отечественных гербов. В конце 1940-х гг. Л.М. Савелов по-прежнему писал, что «русская геральдика научной почвы под собой не имеет»⁹²³. Позиция формулировалась применительно к родовым гербам. Обосновывая ее, Л.М. Савелов отмечал, что даже высший социальный слой Древней Руси – боярство – их не знал, изображения с печатей не переходили в родовые символы, а выездные из Европы семьи гербов не сохраняли, за исключением тех, кто попал в Россию в позднее время. Он приводил в пример «герб» Романовых – грифона, появившегося в XVI в. Его употребляли только два члена рода, а впоследствии забыли.

⁹²¹ Библиография // Новик. – 1939. – Вып. 4. – С. 39–40.

⁹²² См.: Наумов О.Н. Журнал «Новик» и развитие русской генеалогии в эмиграции (1930-1950-е годы) // Отечественные архивы. – 1994. – № 6. – С. 7–16.

⁹²³ Савелов Л.М. Генеалогия // Новик. – 1939. – Вып. 1. – С. 11.

Позицию Л.М. Савелова разделяли другие исследователи. Например, нумизмат М.Ю. Гаршин в одном из писем, датированном 6 февраля 1936 г., указывал: «Правда, что русские гербы не имеют никакого исторического основания и большей частью фантазии»⁹²⁴.

Вопреки отечественной традиции, которая всегда признавала более интересной геральдику древнего дворянства, Л.М. Савелов вполне позитивно оценивал также гербы лиц, пожалованных дворянским достоинством, поскольку они содержали информацию хотя бы о профессии владельца (вожжи, например, указывали на придворного кучера). «Эти странные эмблемы не были эмблемами, допускаемыми геральдикой, но все же ясно указывали на происхождение, спасибо и на этом», – иронизировал генеалог.

Вместе с тем, Л.М. Савелов считал, что русская геральдика в начале XX в. достигла научной стадии развития, «твердой научной почвы», и связывал этот процесс с учреждением в Московском археологическом институте соответствующей кафедры во главе с Ю.В. Арсеньевым.

Специфическое отношение к гербам не помешало Л.М. Савелову превратить основанный им журнал в 1934 г. «Новик» в один из эмигрантских центров по изучению геральдики⁹²⁵. В истории этого издания можно выделить два периода, когда дисциплине уделялось повышенное внимание. Первый из них пришелся на конец 1930-х – начало 1940-х гг. и был связан с деятельностью Ю.А. Навроцкого, инженера по профессии, одного из учредителей Русского историкородословного общества в Нью-Йорке. Второй относился к 1950-м гг. и обусловлен работами историка В.Г. Сеньютовича-Бережного, занимавшего в 1959–1963 гг. пост главного редактора «Новика».

Отношение к отечественному геральдическому опыту постепенно изменялось. В конце 1940-х гг. традиционное для московской генеалогической школы⁹²⁶ отношение к родовым гербам как к недо-стоверным источникам было вытеснено культурологическими интерпретациями, согласно которым геральдика позиционировалась как неотъемлемый элемент истории культуры России. Вопрос о

⁹²⁴ ГА РФ. – Ф. 6091. – Д. 20. – Л. 4 об.

⁹²⁵ См. сноску 29.

⁹²⁶ Наумов О.Н. Московская генеалогическая школа конца XIX – первой половины XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995. – С. 22–23.

степени национальной самостоятельности в таком контексте утрачивал всякий смысл. Только генеалог Н.Д. Плешко в одной из статей середины 1950-х гг.⁹²⁷ по-прежнему отнес «Общий гербовник» к группе памятников, которые нельзя использовать в историческом исследовании.

Одно из основных мест в эмигрантской геральдике занимало изучение источниковедения и историографии. Принципиальное значение для уточнения представлений о формировании дисциплины имело обнаружение Гербовника А. Грекова 1769 г. Впервые описал внешний вид и состав рукописи, а также попытался идентифицировать автора Л.А. Гринберг в одном из книговедческих эмигрантских изданий за 1938 г.⁹²⁸, и уже в следующем году к изучению памятника обратился Ю.А. Навроцкий⁹²⁹. Он, в целом, повторил характеристики, свойственные для внешней критики источника, но скорректировал традиционные представления о хронологических рамках существования русских гербовников. Большое внимание привлекал «Общий гербовник дворянских родов», который стал для эмигрантской историографии основным геральдическим источником. Подчеркивалась необходимость его переиздания, публиковались указатели к последним томам и работы по истории памятника⁹³⁰. В предисловии к списку гербов, внесенных в так называемую XXI часть «Общего гербовника», составленную после отречения Николая II от престола, специально оговаривался юридический статус символов, перечислялись законодательные акты, на которые опиралось Временное правительство, их утверждая. Для эмигрантов вопрос о легитимности подобных гербов был чрезвычайно важен.

«Общий гербовник дворянских родов» служил моделью при составлении новых справочников. В 1940 г. Русское историко-

⁹²⁷ Плешко Н.Д. О некоторых источниках русского родословия // Новик. – 1956. – Вып. 1. – С. 35–41.

⁹²⁸ Гринберг Л. Указ. соч.

⁹²⁹ Навроцкий Ю.А. О первом русском гербовнике. – С. 38–41.

⁹³⁰ [Навроцкий Ю.А.] Библиография. О Брюссельском гербовнике // Новик. – 1940. – № 2. – С. 38; Он же. Указатели к Высочайше утвержденному «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи» // Там же. – 1941. – № 4. – С. 32–37; Он же. Об одиннадцатой части Высочайше утвержденного «Общего гербовника дворянских родов» // Для немногих. – Вып. 2. – Нью-Йорк, 1944. – С. 31–34; Список родов, которым утверждены гербы Правительствующим Сенатом с 1 июня по 22 ноября 1917 г. // Новик. – 1945. – С. 103–104.

генеалогическое общество в Брюсселе издало на французском языке «Гербовник дворянства России»⁹³¹, содержащий гербы дворян, которые находились в Бельгии. По оформлению он повторял «Общий гербовник» и содержал 91 рисунок. В нем имелись элементы научного издания: предисловие об истории дворянства, а каждый герб сопровождался ссылкой на источник информации, преимущественно на «Общий гербовник» и польские справочники.

Аналогичен ему по структуре изданный инженером по профессии И. Третьяковым в 1946 г. «Гербовник дворянства России», только в нем содержалось 100 гербов⁹³².

В эмигрантской историографии сохранялся интерес к неутвержденным дворянским гербам. Источником сведений о них была вывезенная на Запад Н.А. Типольтом рукопись В.К. Лукомского, рисунки из которой использовались для генеалогических работ и для выдачи справок представителям дворянских семей. В восходящей таблице Н.С. Плаутина⁹³³, например, воспроизводились неутвержденные гербы Константиновых, графов Гурьевых и Грибоедовых. Три неутвержденных герба (Ломиковских, князей Орбелиани и Павлович) вошли в «Гербовник дворянства России» И. Третьякова⁹³⁴. Самобытный герб князей Ишеевых помещен на титульном листе воспоминаний одного из членов рода⁹³⁵. В литературе указывалось на необходимость собирания и публикации неутвержденных гербов, которые, по словам Ю.А. Навроцкого, могут оказаться «совершенно затерянными»⁹³⁶. Однако подобным планам сбыться было не суждено.

В эмиграции продолжалось изучение государственной символики, чему способствовала доступность иностранных источников. Профессор Белградского, а затем Женевского университетов А.В. Соловьев собрал обширные сведения об использовании двуглавого орла на Востоке, в Византии, в странах Балканского полуострова (Сербии, Болгарии и др.), в Западной Европе, после чего

⁹³¹ *Armorial de la noblesse de Russie*. – Bruxelles, 1940.

⁹³² *Tretiakoff I. de. Armorial de la noblesse de Russie*. – [Bruxelles, 1946].

⁹³³ *Навроцкий Ю.А. 16 quartiers // Новик*. – 1939. – № 1. – С. 35–36; переизд.: *Signum*. – Вып. 3. – М., 2005. – С. 186–192.

⁹³⁴ *Tretiakoff I. de. Op. cit.* – P. 89, 117, 129.

⁹³⁵ *Ишеев П.П. кн. Осколки прошлого. Воспоминания, 1889–1959*. – Нью-Йорк, 1959;

⁹³⁶ [*Навроцкий Ю.А.*] Библиография. – С. 38.

предложил уточненную версию появления символа на Руси⁹³⁷. Согласно точке зрения ученого, двуглавый орел не был гербом Византии, но служил знаком императорского двора, а позднее инсигнией василевсов или даже эмблемой высших сановников (главным образом, деспотов). Этим обусловлено широкое распространение изображения на Балканском полуострове, откуда его перенял великий князь московский. Основным поводом для вполне законного заимствования оставался, по мысли А.В. Соловьева, брак Ивана III, тот «взял в жены дочь деспота Мистры». Сначала двуглавый орел был просто знаком родства, затем эмблемой «византийского наследования»⁹³⁸, а потом уже собственно гербом России. Гипотезу А.В. Соловьева можно назвать неовизантийской, но даже в свете приведенных им новых данных степень вероятности происхождения двуглавого орла с Балканского полуострова остается незначительной.

На содержание работ оказала влияние доступность европейских трудов и источников. В «Новике» появились статьи о западных памятниках, публиковались рецензии на иностранные издания. Однако и в подобных случаях присутствовала, хотя бы опосредованно, связь с отечественной историей. В.Г. Сеньютович-Бережной подверг источниковедческой критике мнимый герб дочери великого киевского князя Ярослава Мудрого, королевы Франции Анны⁹³⁹, который был опубликован в труде генеалога XVI в. К. Парадена, посвященном бракам французских королей. Рецензировались издания, сообщавшие о семьях, ветви которых жили в России⁹⁴⁰.

Как и во второй половине XIX в., возродился интерес к польской геральдике. Н.П. Михайлов сделал обзор польских сочинений

⁹³⁷ Soloviev A.V. Les emblèmes héraldique de Byzance et de Slaves // Seminarium Kondakovianum. – V. 7. – Prague, 1935. – S. 119–164. См. также: Соловьев А.В. Мотив двоглавого орла у наших старим споменицима // Уметнички преглед. – Ч. 1. – Бр. 4. – Београд, 1938. – С. 108–109; переизд.: Соловьев А.В. Историја Српског грба и други хералдични радови. – Београд, 2000. Недавно был опубликован перевод этой работы на русский язык: Соловьев А.В. Геральдические эмблемы Византии и славяне // Signum. – Вып. 4. – М., 2009. – С. 109–211.

⁹³⁸ Соловьев А.В. Указ. соч. – С. 182.

⁹³⁹ Сеньютович-Бережной В.Г. Был ли герб у Анны Ярославовны // Новик. – 1957. – Отд. 1. – С. 7–8.

⁹⁴⁰ Сеньютович-Бережной В.Г. [Рецензия] // Новик. – 1958. – Отд. 3. – С. 14–16. – Рец. на кн.: Armorial de la noblesse polonaise titrée. – Paris, 1958.

XV–XIX вв.⁹⁴¹ и подчеркнул влияние на развитие геральдики в Польше ордена иезуитов. С ним не согласился В.Г. Сенютович-Бережной, выступивший спустя 20 лет, со специальной рецензией⁹⁴², в которой указывал, что иезуиты проникли в Польшу позже, чем там появились гербы.

Не обошел вниманием В.Г. Сенютович-Бережной проблему генезиса украинских гербов, тесно связанных с польской геральдической традицией. В частности, он прямо истолковывал семейный герб Апостолов как подвергшиеся изменениям рунические знаки, а в работе о Гоголях, доказывая древность рода, подчеркивал, что они пользовались гербом, но в дальнейшем его «забыли»⁹⁴³.

Эмигрантская историография сохранила досоветские методические достижения, широко использовала комплексные, сравнительные приемы изучения геральдических источников. Так, несоответствие печатей стало главным аргументом при разрешении вопроса о тождестве князей Ф. Несвицкого и Ф. Корибутовича⁹⁴⁴. Известный историк Грузии князь К.Л. Туманов, восстанавливая цвета полей и фигур герба грузинского царя Ираклия II⁹⁴⁵, исходил из сопоставления цветов в гербах различных ветвей Багратидов. Он пришел к выводу о независимости цвета фигур от их расположения, а также о стабильном повторении цветов полей (первое и четвертое – красные, второе и третье – голубые). При этом применялся хорошо известный еще до 1917 г. методический прием, когда гербы родственных семей воспринимались как единое генеалогическое пространство.

Эмигрантская геральдика ориентировалась тематически не только на опыт, накопленный до 1917 г. В ней присутствовал постоянный интерес к научной жизни в СССР. Публиковались материалы о деятельности Гербового музея⁹⁴⁶. Сведения о геральдических

⁹⁴¹ Михайлов Н.П. О гербах польского дворянства // Новик. – 1935. – № 2. – С. 13–14.

⁹⁴² Сенютович-Бережной В.Г. Письмо в редакцию // Новик. – 1958. – Отд. 3. – С. 1.

⁹⁴³ Сенютович-Бережной В.Г. Род Апостолов // Новик. – 1959. – Отд. 1. – С. 5–9; *Он же*. Род Гоголей // Там же. – 1957. – Отд. 1. – С. 1–7.

⁹⁴⁴ Сенютович-Бережной В.Г. Князь Федор Несвицкий и его место в истории // Новик. – 1958. – Отд. 1. – С. 7–12.

⁹⁴⁵ Туманов К.Л. кн. Герб царя Ираклия II Грузинского // Новик. – 1951. – Отд. 1. – С. 31–33.

⁹⁴⁶ Лукомский В.К. Гербовый музей СССР // Парижский вестник. – 1926. – 17 февр. – № 239. – С. 2–3; *Значко-Яворская О.Н.* Ленинградский геральдический музей // Новик. – 1947. – Отд. 2. – С. 24–27.

работах, появившихся после 1917 г., сообщались в библиографических обзорах В.С. Арсеньева⁹⁴⁷.

В эмиграции некоторое время сохранялся уровень, достигнутый русским гербоведением в начале XX в. Однако реальные условия научного творчества препятствовали поддержанию исследовательских традиций. Приходилось определять взаимоотношения с зарубежным опытом, приспосабливаться к иному кругу источников. Объективно это приводило к дальнейшей идентификации национального герботворчества. В историографии сохранялись компаративные и междисциплинарные подходы к анализу фактического материала. Несмотря на оторванность от отечественных архивов, геральдистам-эмигрантам удалось ввести в научный оборот новую информацию, опубликовать полноценные в научном отношении работы. Деятельность их оказалась успешной настолько, насколько это было возможно в условиях эмиграции, а главная заслуга заключалась в самом факте продолжения геральдических изысканий.

После 1917 г. научная геральдика следовала линии, намеченной в начале XX в. и продолжала использовать сложившуюся модель познания. Методологическая основа была эклектичной, в ней синтезировались элементы позитивизма, структурализма и исторического материализма. Доминировала источниковедческая концепция, в рамки которой готовилось большинство работ. Достигнутые результаты теоретического и конкретного плана детерминировались потенциалом, накопленным до 1917 г., но постепенно он исчерпывался. Под влиянием внешних факторов утрачивалась интенсивность и систематичность исследований, размывались границы геральдического знания. Была прервана преемственность познавательного процесса, снова, как в XVIII в., появилась дискретность его развития, обозначились черты регресса.

К середине XX в. и в СССР, и в эмиграции научная геральдика пришла в кризисное состояние. Целенаправленное изучение гербов фактически прекратилось. Дисциплина приобрела вспомогательное значение по отношению к генеалогии, сфрагистике, нумизматике и источниковедению. Специалисты практически отсутствовали. В СССР исследования прервались почти полностью.

⁹⁴⁷ Арсеньев В.С. Несколько дополнений к библиографии российского дворянства // Новик. – 1934. – № 4. – С. 21–30; Он же. Несколько дополнений к библиографии российского дворянства // Там же. – 1935. – № 1. – С. 29–32.